

〈№ 11. — Ноябрь 1859 года.〉

Европейские дела. — Северо-Американские Штаты и Браун.

Четыре месяца тому назад соединение Центральной Италии в одно государство с Северною почти для всех казалось делом конченным; три месяца тому назад вы приобретали имя желчного скептика, если отваживались говорить, что прежний порядок дел в Романье и Тоскане будет восстановлен. Теперь все видят близость реставрации. Дело тянется двигателями реставрации, по видимому, с необыкновенной медлительностью, а между тем идет к концу очень быстро. Такова натура вещей, что нужно только бездействовать и вынуждать к бездействию других, чтобы возрастать зло, между тем как основание чего-нибудь хорошего требует страшных, конвульсивных усилий. Реакция не сделала, кажется, ровно ничего: еще ни один солдат не двинулся в Романью или Тоскану для низвержения нового порядка вещей; а он уже близок к падению. В прошедший месяц не было сделано реакциею ничего энергического, а торжество ее с каждым днем становится несомненное. В самом деле, что нового произведено над Италиею? Ровно ничего. Подписаны два остальные из трех цюрихских трактатов, именно договоры между Сардиниею и Франциею, между Сардиниею и Австриею; но их подписание было делом чистой формальности, после того как подписан был первый из трех договоров — трактат между Австриею и Франциею; а мы еще в прошлом месяце сообщали известие об этом. Явилось письмо Наполеона к королю сардинскому об устройстве итальянских дел; но оно буквально излагает ту самую программу, которую мы сообщили также в прошлом месяце, недели за три до появления письма. Король сардинский отказался от власти, которую предлагала ему Центральная Италия, и запретил принимать ее своему родственнику, герцогу кариньянскому, — но еще в прошлом месяце и даже два и три месяца тому назад можно было предугадывать, что он так поступит, и мы несколько раз говорили это. Созывается конгресс, но Англия, Пруссия, Россия еще не выразили

своего согласия участвовать в нем, — точно то же положение было месяц тому назад. Что же нового? Решительно ничего, кроме того, что прибавилось довольно много новообращенных к людям, не ожидающим хорошей развязки итальянского дела. Что же говорить об этом деле подробно? Довольно будет самым кратким образом перечислить мелкие происшествия, которыми ограничивались итальянские новости в прошлом месяце.

Обнародование условий Цюрихского трактата навело в Италии уныние на людей, питавших до той поры маниловские надежды. Мы не понимаем, отчего было унывать, когда Цюрихский трактат был просто подтверждением виллафранкских условий, и император французов постоянно повторял, что не может отступить от этих условий. Надобно отдать ему справедливость: он в этом деле не хитрил, не обманывал, не скрывал своих намерений. Вольно же было энтузиастам не верить его словам, совершенно ясным и твердым. Его письмо к королю сардинскому навело на итальянцев новое, еще сильнейшее уныние; и опять-таки не было им причин унывать больше прежнего, потому что письмо было только десятым или двадцатым повторением того самого, что говорил он при каждом случае четыре месяца сряду. Не находя в этом письме ничего нового, мы не можем привести его здесь; но любители репетиций, понимающие сущность дела только при десятом его повторении, стали бы упрекать нас, если бы вовсе лишили их возможности прочесть вновь то самое, что излагалось у нас много раз; потому мы печатаем в приложении перевод письма, заимствуя его из «Санкт-Петербургских ведомостей» с некоторыми исправлениями по подлиннику. Здесь мы заметим только, что план устройства итальянских дел, излагаемый императором Наполеоном, разделяется на две части по отношениям осуществления разных его подробностей к воле различных держав. Во-первых, есть вещи, исполнение которых зависит единственно от согласия императора французов; это — восстановление прежних правительств в Тоскане и герцогствах и подчинение Романьи папскому владычеству. Император Наполеон хочет этих вещей, стало быть, они исполнятся; это реальная часть письма. Другие вещи могут быть исполнены только по согласию Австрии или итальянских правительств, — именно объявление Мантуи и Вероны союзными крепостями, независимое устройство Венецианской области, дарование благотельных реформ Папской области и введение представительного правления в Неаполе, в Риме, в Венеции и так далее; об этих вещах вперед известно, что на них не согласятся правительства, воля которых нужна для их осуществления; этим желаниям императора Наполеона суждено остаться прекрасными желаниями, подобно давнишнему его желанию о преобразованиях в папском правительстве; эту часть письма мы можем назвать поэтической. Поэзия не составляет предмета наших обозрений; оставляя ее в стороне, мы обращаем

внимание читателя только на прозаическую часть письма, и если он потрудится сличить ее с нашим изложением французской программы итальянского вопроса в прошлом месяце, он увидит буквальную верность изложенных нами тогда известий.

Цюрихский мир и письмо императора Наполеона показали правительствам Центральной Италии надобность принять новые меры. Были вновь созваны конституционные собрания в герцогствах, в Тоскане и в Романье для назначения регентства. Все собрания единогласно избрали общим регентом Центральной Италии принца кариньянского, ближайшего из взрослых родственников короля сардинского. Наполеон выразил королю сардинскому желание, чтобы принц кариньянский не принимал предлагаемой ему власти; король сардинский и принц кариньянский повиновались, и депутация Центральной Италии, повергнувшая к стопам их единодушное решение четырех областей, получила отказ. Само собою разумеется, что принята была депутация очень любезно и милостиво, как принимались и все прежние депутации, отправлявшиеся к королю сардинскому или к императору французам. Принц кариньянский был так милостив, что, изложив причины, по которым должен был отказаться от предложения, указал депутации на человека, который может занять место регента, и собственной властью передал ему это звание. Конечно, Центральная Италия, давая принцу кариньянскому власть регента, нимало не думала, что предоставляет ему власть передать это звание кому угодно без ее ведома. Но особенно странно то, что избранныком принца кариньянского был Буонкомпаньи, которого называют человеком очень приятным в обществе, но который показал себя лишенным всякой энергии и сообразительности, когда управлял от имени сардинского короля Тосканою во время войны. Вместо того, чтобы готовить войско, он занимался тогда идиллическими упражнениями: строил оранжереи, устраивал цветочные выставки, учреждал премии для архитекторов за проекты каких-то изящных зданий и для поэтов за хорошие драматические произведения. Благодаря такому аркадскому управлению, тосканская армия совершенно расстроилась при нем в один месяц, так что не годилась уже ровно никуда, и Гарибальди должен был заводить войско в Тоскане сызнова, как будто Тоскана лежала в архипелаге Дружбы и Согласия, а не в нескольких милях от Мантуи¹. По последним известиям, Буонкомпаньи поехал управлять Центральною Италиею, и надобно только ждать известия о том, примет ли она такого регента. Нам кажется ясна цель, с которою назначен регентом такой человек.

Что же делают меж тем правительства Центральной Италии? Казалось, будто они хотят наконец стать энергичнее прежнего. Давно жаловались на неспособность диктатора Романьи, полковника Чиприани; он отказался от этого сана, и тогда передали диктатуру Романьи пармскому и моденскому диктатору Фарини.

который энергичнее всех остальных правителей. Носились слухи, будто бы предоставляют больше простора Гарибальди, который прежде был связан по рукам и ногам. Но по последним телеграфическим депешам, Гарибальди выходит в отставку и хочет удалиться из Италии. Какой смысл придавать этому известию, мы еще не знаем: значит ли оно, что Гарибальди увидел невозможность не только победить, но и защищаться с честью? или его отставка значит только то, что он хочет разорвать всякие связи с нерешительными людьми, поставить жителям Центральной Италии вопрос о выборе между ним и между ними, хочет получить власть над войсками прямо от народа, а не от робких правителей, чтобы начать действовать сообразно своему характеру и положению дел? Когда читатель будет просматривать эту страницу, смысл просьбы Гарибальди об отставке уже будет известен; а теперь мы можем сказать одно: в те дни, когда мы пишем это, в Центральной Италии, вероятно, уже совершается перемена в личностях и характере правителей, близость которой мы указывали в прошедшем обозрении; власть или перешла, или переходит в руки людей решительных, бесстрашных; но перемена эта, по всей вероятности, уже запоздала. Теперь дела будут идти таким образом: всеми людьми, не имеющими твердого характера, то есть огромным большинством людей, овладеет уныние; ошибочность вялой и робкой политики, которой следовали до сих пор, обнаружится для всех; горсть людей, которые давно были готовы жертвовать жизнью за национальное дело, даже без надежды на успех его, возьмет в свои руки власть, покинутую людьми слабыми или отнятую у них народным негодованием. Эти новые правители — кто они будут, Гарибальди, Миццини, Саффи, Фарини или другие, все равно — начнут самым энергичным образом готовиться к вооруженной защите. Но, по всей вероятности, не будут уже иметь времени приготовиться к ней. Когда явятся враги, энтузиазм народа вспыхнет, и совершится много славных, но уже бесполезных подвигов.

Теперь уже ясно выражен в письме императора французов и других официальных документах план, по которому хотят произвести реставрацию: под рукою будут помогать реакционерам, будут изнувать терпение и силы народа отнятием у него всякой возможности установить прочное положение дел (это выразилось запрещением королю сардинскому принимать королевскую власть над Центральной Италией и запрещением принцу кариньянскому принимать регентство), будут производить заговоры и беспорядки (во Флоренции уже открыт заговор реакционеров, а Фарини должен был удалить из Пармы предводителей реакционной партии, начавших интриговать слишком явно); этими беспорядками воспользуются, чтобы ввести иностранные войска в мундирах папы, герцога моденского, эрцгерцога тосканского или в собственных мундирах: тогда это уже не будет называться

«иностранным вмешательством», — это будет только «помощь, оказанная мирному населению, просившему защиты от злодеев и анархистов».

В остальных итальянских государствах все продолжается по-прежнему. В Риме, например, французский посланник продолжает делать папе представления о необходимости реформ, папа сердится за это попрежнему и в досаде забывает иногда правила учтивости, — дипломатический мир был очень скандализован, услышав, что Пий IX однажды без дальнейших разговоров повернулся спиною к герцогу Граммону, когда герцог твердил ему свои наставления. Французские полуофициальные газеты, однако ж, уверяют, что папа готов дать требуемые реформы; важнейшим доказательством готовности служит то, что однажды он сказал Граммону: «перестанем говорить об этом; я подумаю и посмотрю». Разумеется, впрочем, что когда будет происходить покорение Романьи, будут для формы обнародованы какие-нибудь новые постановления или хотя обещания, — ручательством за это служит совет, данный Австрии. Реформы или обещания будут, конечно, таковы же, как знаменитое «удаление кардинала Антонелли, мешающего благотворным реформам своею губительною властью над умом папы». Кардинал носил два главных титула: во-первых, министра, во-вторых, президента государственного совета, который никогда не собирается и потому ничем не занимается. Министром и довереннейшим лицом папы Антонелли остался, но от председательства в совете уволен. Таким образом, можно было сказать, что папа удовлетворил требование об отставке Антонелли. Точно таково же будет удовлетворение и требования реформ, и все-таки можно будет сказать, что даны новые законы. Надобно думать, что требуемые реформы очень важны и либеральны, если их требуют Австрия и Франция.

В Неаполе давно носились слухи о подготовляющихся восстаниях². Но если пропущено благоприятное для них время войны и надежд, то какой успех могли бы иметь восстания теперь, когда реакция готова овладеть и теми областями, в которых успело одержать перевес прогрессивное движение? Попытка нескольких энтузиастов в Палермо была несвоевременна, и правительство без труда подавило ее. Движений более сильных можно ждать разве в том случае, если в Центральной Италии вспыхнет народная война против иноземного вмешательства и на первый раз инсургентам удастся одержать какие-нибудь успехи; также, если Гарибальди, став неограниченным распорядителем военных сил, вторгнется в папские и неаполитанские владения, как уже грозил перед своею отставкою. Иначе неаполитанские либералы напрасно пожертвовали бы собою, если бы вздумали начать какое-нибудь движение.

В Германии праздновали столетний юбилей рождения Шиллера, во всех больших городах Европы также совершалось это тор-

жество великолепным образом. Затем ничего замечательного не было в Германии. Движение в пользу единства продолжалось в прежнем, пока совершенно бессильном и праздном направлении.

Война с мароккскими племенами по западной границе Алжира доставила французам лавры, как и должно быть; но в экспедиционном корпусе явилась холера, пожравшая уже не одну тысячу людей, так что лавры куплены несколько дорого, как тоже и должно быть. Испания начинает военные действия против Марокко с другой стороны³.

В Англии начинается агитация в пользу реформы парламентской и финансовой, но пока еще были только приготовительные митинги, а настоящие действия начнутся с 1 декабря. Мы не говорили в прошлый раз о дипломатическом столкновении Англии с Соединенными Штатами по поводу занятия острова Сан-Хуана отрядом северо-американских войск, потому что из такой ничтожной причины не может произойти никаких важных последствий, и подобные толки годятся только для наполнения газетных столбцов⁴. Мы не упомянули бы об этом споре из-за маленького, почти пустого и никому, собственно, не нужного островка, если бы не пришлось кстати припомнить о нем при надобности говорить о Северо-Американских Штатах по другому случаю, о котором в европейских газетах было говорено несравненно меньше, но который очень многозначителен.

В маленьком городке или селе Гарперс-Ферри, лежащем в одном из невольнических штатов, близ границы между свободными и невольничьими штатами, явилось несколько человек аболиционистов; они врасплох овладели арсеналом, находящимся тут, и стали провозглашать освобождение негров. Через несколько часов пришла милиция из соседних невольничьих городов, аболиционисты не положили перед нею оружия, милиция стала усмирять их силою, они отчаянно оборонялись, большая часть их была убита на месте, остальные переранены, взяты в плен и преданы суду, который, конечно, приговорит их к смерти «за убийство», если не за восстание. По своему размеру случай этот вовсе не важен; но он очень многозначителен, как первый в своем роде. До сих пор наступательным образом действовала партия защитников невольничества; аболиционисты, действуя словом, фактически держались в оборонительном положении. Теперь, как видим, их энтузиазм так раздражен постоянными обидами от защитников рабства и уверенность в своих силах так возросла у них, что являются стремления действовать наступательно. Первая попытка была неудачна, как почти всегда бывают первые попытки; ближайшим следствием ее будет усиление партии защитников рабства всеми робкими людьми, боящимися крутых мер. Но без всякого сомнения, борьба станет постепенно принимать новый характер и аболиционисты через несколько времени отомстят за первых своих мучеников, Брауна, предводителя горсти людей, геройски сра-

жавшихся в Гарперс-Ферри, и его неустрашимых товарищей. Северные и западные штаты будут постепенно проникаться мыслью о постыдности давать в обиду своих политических друзей, и границы рабства, до сих пор расширявшиеся, начнут стесняться под напором свободных людей севера и запада. Мы приводим здесь отрывок из помещенного в Times'e письма о личности Брауна, предводителя первых мучеников за дело негров в Соединенных Штатах, а в приложении помещаем извлечение из устава общества, которое предполагал учредить Браун. Устав этот был найден в числе бумаг, найденных у него. Неукротимая энергия и глубокое, строгое нравственное чувство придают этому уставу чрезвычайную оригинальность. Он интересен для знакомства с понятиями людей, составляющих крайнюю аболиционистскую партию. Вот письмо о личности Брауна:

«Браун, известный в Соединенных Штатах под именем старика капитана Брауна, жестоко пострадал при начале волнений в Канзасе, пять лет тому назад. Он жил, еще не принимая никакого участия в борьбе, начинавшейся тогда между приверженцами и противниками рабства в Канзасе; в его дом ворвалась ночью шайка головорезов, пришедших из Миссури; они разграбили и унесли все, что было ценного в небольшом имуществе, которое он приобрел долгими годами скромного труда, сожгли дом и нивы его и без всякой надобности убили одного из его детей. Жена его скоро умерла от печали. Браун впал в мономанию, холодную, необыкновенно пронизательную, терпеливую и отчаянно храбрую. Он собрал небольшой отряд, в котором редко бывало десятка два человек; почти все они были родом из штатов Новой Англии. Обстоятельства превратили этих мирных, можно сказать, малодушных земледельцев и мастеровых в отчаянных партизанов. В числе их было два сына Брауна. Много раз этот отряд проникал далеко во внутренность Миссури, освобождал из тюрем людей, схваченных по подозрению в том, что помогали бегству невольников, уводил с собою на свободу целые семейства невольников, разорял дома людей, известных своим участием в попытках ввести в Канзасе рабство, и предавал их самих казни. Когда эти попытки оказались неудачны и восстановилось спокойствие, Браун опять стал земледельцем и мирным гражданином. Но через несколько времени шайка миссурийцев, гнавшаяся за бежавшим невольником, явилась в Канзасе, обыскивала без всякого законного права дома жителей и производила буйства там, где встречала сопротивление. Едва успели миссурийцы воротиться домой, как Браун со своими сыновьями был уже в их земле, жег их дома, нивы, уводил негров. За его голову была назначена награда; большая партия миссурийцев гонялась за ним, и последний слух о нем, дошедший до меня, говорил, что он, будучи окружен преследователями, бросился прямо на них, безвредно пробился со всеми своими товарищами и ночью скрыл от них свои следы»⁵.